

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КОНКУРИРУЮЩИЕ МОДЕЛИ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Севастьянов Сергей Витальевич,
кандидат политических наук,
профессор кафедры мировой экономики ВГУЭС

Вступление

Рассматриваемая проблема находится в рамках изучения определяющей коллизии современного мирового развития - нарастания тенденций к глобализму и глобализации, с одной стороны, и к регионализму и регионализации - с другой. Произошедший в 1997 г. азиатский финансовый кризис ярко подтвердил эту тенденцию, и одним из ключевых аспектов статьи является анализ его политических и экономических последствий, важнейшим из которых стал мощный импульс для развития закрытой формы восточно-азиатского регионализма,

Эта тема актуальна для выработки «азиатского вектора» российской внешней политики, так как тенденции развития закрытых форм регионализма не во всём отвечают интересам РФ, и требуется выработка её приоритетов в подходах к участию в многосторонних механизмах сотрудничества. С окончанием «холодной войны» Москва активизировала усилия по подключению к межправительственному сотрудничеству, став партнёром по диалогу Регионального Форума АСЕАН (АРФ) в 1996 г. и членом Форума Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в 1998 г. В 2001 г. Россия вошла в число стран-основателей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), с 2003 г. участвует в 6-сторонних переговорах по проблеме безопасности Корейского полуострова. Эти примеры свидетельствуют о том, что РФ поддерживает в АТР деятельность межправительственных (МПО) и неправительственных (НПО) организаций, способствующих налаживанию регионального диалога, позволяющем лучше узнать мнения партнёров и выразить российскую точку зрения. Однако, когда в 2005 г. Россия проявила интерес к участию в формирующемся восточноазиатском сообществе, то она встретила с определёнными трудностями. В этом контексте актуально проанализировать историю формирования и особенности моделей восточно-азиатского регионализма, которые за последнее десятилетие вступили в конкуренцию, как между собой, так и с институтами азиатско-тихоокеанского сотрудничества.

Для выработки теоретических подходов к исследованию автором были использованы современные наработки теорий глобализации, институционализма и конструктивизма, а также концепций регионализма и «нового регионализма».

С конца 1990-х годов в работах ряда исследователей выделяются три волны или три подхода к теории глобализации, в том числе: глобалистский (проэкономический), скептический и трансформаторский (постскептический).¹ Обобщенно суть глобалистского подхода выражается в том, что генерируемые глобализацией экономические изменения вызывают необратимую демократизацию политического устройства и унификацию культуры государств, при этом транснациональные акторы (ТНК, МПО, МНПО и другие) постепенно отбирают у государств часть суверенитета. Ответом на эти оценки стало появление так называемого «скептического» подхода к глобализации, определившего вторую волну теории этого явления. Скептики настаивают на том, что современный мир отличается высокой степенью интернационализации, но не является глобальным. В этих условиях государства сохраняют рычаги управления политическими и экономическими процессами, а неизбежность мировой победы неолиберализма в стиле Фукуямы отнюдь не предрешена.

Теоретические положения скептиков, в свою очередь, вызвали критическую реакцию группы исследователей, которые, с одной стороны, признали необходимость разработки более комплексного теоретического обоснования глобализации, а с другой – защищали тезис о том, что она является реальным процессом, кардинально преобразующим мир. Таким образом, зародилась третья «трансформаторская» волна теории глобализации, расположившаяся между её первой и второй волнами.

Однако, по оценке Л. Мартелла,² сторонники второй и третьей волн расходятся в основном в выводах, вытекающих из почти сходной аргументации. Первые полагают, что в условиях неравномерности действия интеграции основными игроками будущего мироустройства останутся сохранившие силу государства, которые будут объединяться в региональные союзы, в том числе с учётом интересов менее влиятельных и более бедных стран региона. Большинство же сторонников трансформаторского подхода считают, что глобализация во времени и пространстве развивается неравномерно, не являясь предопределённым процессом, и может привести к доминированию различных систем управления. При этом Дэвид Хелд, в отличие от других сторонников трансформализма, настаивает на том, что мировое сообщество в условиях глобализации неминуемо движется

к глобальной демократии, и что только государства с демократической формой правления способны создавать интегрированные региональные сообщества.

Под *регионализмом* мы понимаем целенаправленную политику государств по осуществлению, преимущественно, политического процесса сотрудничества в регионе и приданию ему системного характера. Во многом он связан с процессом создания институтов, хотя при этом не существует концепции, устанавливающей определённую планку по уровню институализации, для того, чтобы считаться «правильным» или истинным регионом.

За последние 20 лет возобновился интерес к исследованию регионов, что отразилось в появлении в середине 1990-х годов научного направления, получившего название «нового регионализма», во многом вызванного неспособностью классической теории интеграции объяснить процессы сотрудничества за пределами Европы. Считается, что первым этот термин ввёл в научный оборот Эндрю Харрелл³ в отличие от так называемого регионализма «старого», сформированного протекционизмом начального этапа европейской интеграции конца 1950-х - середины 1970-х годов.

В научной литературе модель европейской интеграции часто выдаётся за образец, и ожидается, что остальные регионы пойдут тем же универсальным путём. Однако, характерная для ЕС высокая степень институализации международных институтов скорее является аномалией, а не ведущей тенденцией их формирования в других регионах мира.⁴ Тем не менее, сторонники нового регионализма не стремятся создать универсальную теорию, называя её рамочной концепцией, основная «новизна» которой заключается в рассмотрении опыта регионализма в других регионах мира. При этом опыт Европы не игнорируется, а, напротив, делаются попытки его расширить. По оценке А. Гэмбла и А. Пэйна, новый регионализм следует понимать как государственную стратегию, призванную одновременно соответствовать, как приоритетам внутренней политики страны, так и международной структуры глобальной политической экономики, и, особенно, международного мобильного финансового капитала.⁵

В предложенной статье основное внимание уделено усилиям ведущих государств АТР по развитию регионализма, а в его рамках - исследованию институтов. Автором выдвигается гипотеза о том, что время формирования и характер моделей азиатских МПО чётко связаны с процессами глобализации и изменениями в системе международных экономических и финансовых отношений. Полученные в ходе исследования выводы о характере этой взаимосвязи, динамике развития моделей восточно-азиатского регионализма, об институциональных особенностях региональных МПО составят научную

новизну работы и позволят сделать прогноз развития моделей интеграции Восточной Азии, а также предложить рекомендации для российского участия.

Полноценное исследование институтов восточно-азиатского регионализма невозможно без изучения и сравнения с более ранним опытом АСЕАН и институтов азиатско-тихоокеанского регионализма (АТЭС и АРФ).

1. АСЕАН как фокус многостороннего сотрудничества в Восточной Азии

Ассоциация государств Юго-восточной Азии (АСЕАН) была создана в 1967 г. в рамках уже упомянутой концепции «старого» регионализма, и для целей исследования очень важно рассмотреть выработанный за долгие годы набор её институальных норм, идейных и организационных принципов, получивший обобщённое название «путь АСЕАН» («the ASEAN Way»), так как он стал основополагающим для деятельности большинства региональных МПО, включая АТЭС, АРФ, АПТ и др. Этот принцип, не допускающий доминирования наиболее сильных держав, с одной стороны, способствовал институальной «живучести» этих МПО, а с другой – стал причиной их невысокой, в западном понимании, эффективности. Поведенческие нормы «пути АСЕАН» проистекают из пары малайских (по другим оценкам – индонезийских) концепций: диалога «мушаварах» (*musyawarah*) и консенсуса «муфакат» (*muafakat*). Известный эксперт Амитав Ачара характеризует «путь АСЕАН» как процесс региональных взаимодействий и сотрудничества, базирующийся на постепенности, неформальности, консенсусе, личных политических связях, неконфронтационной манере ведения переговоров.⁶ Основополагающим для «пути АСЕАН» является принцип невмешательства во внутренние дела членов организации, однако с середины 1990-х годов члены АСЕАН ведут дебаты по поводу целесообразности изменения подходов к этому принципу. Особенно остро этот вопрос стал в 1999 г., когда всплеск насилия в Восточном Тиморе поставил вопрос: могут ли члены МПО напрямую включиться в решение проблемы? Однако прецедент (возможная интервенция государств АСЕАН на территорию Индонезии) не был создан, а возглавить усилия по подавлению насилия пришлось ООН.

Этот же принцип не позволил АСЕАН как-то повлиять на недемократическое поведение одного из новых членов – Мьянмы. Для повышения эффективности организации, на саммите 2007 г. в Сингапуре были согласованы шаги по её институальному укреплению. Они выразились в решениях о назначении членами АСЕАН постоянных представителей в секретариат организации, более регулярном проведении

саммитов (каждые полгода вместо ежегодных), совершенствовании информационной инфраструктуры секретариата и укреплении механизма разрешения споров по выполнению принятых решений.

С приходом на пост президента РФ Владимира Путина была принята новая концепция внешней политики РФ, в которой подчёркивалась важность построения многополярного мира, а также приоритетность интеграции России в АТР, для чего необходимо активно участвовать в работу АТЭС и АРФ.⁷ «Проводником» при движении в сторону Восточной Азии для РФ стал премьер-министр Малайзии Махатир Мохамад, заявивший в 2002 г., что его страна может стать для России «воротами в Юго-восточную Азию», и призвал к расширению двусторонней торговли, развитию совместного производства товаров, сотрудничества в освоении космоса.⁸ В августе 2003 г. во время визита Путина в Куала-Лумпур был подписан контракт о покупке Малайзией 18 истребителей СУ-30, что способствовало дальнейшему продвижению РФ на рынок вооружений ЮВА. В октябре того же года Путин снова посетил Малайзию, где по приглашению Махатира принял участие в качестве наблюдателя в заседании Организации Исламской Конференции. В целом, достижения политики Путина в ЮВА состояли в том, что уровень отношений России со странами АСЕАН поднялся до уровня, позволяющего обсуждать возможности официального участия Москвы в регионализме Восточной Азии.⁹

В экономической сфере также наметился прогресс, однако позитивное развитие началось от очень низкого базового уровня. Так, торговый оборот между Россией и АСЕАН вырос с одного млрд. в 1998 г. до 3,1 млрд. американских долларов в 2004. При этом российский экспорт в страны АСЕАН составил в 2004 г. всего один процент от международного товарооборота страны, а для АСЕАН в этом же году аналогичный показатель составил всего 0,3 процента.¹⁰

2. АТЭС и АРФ как модели проявления глобалистского подхода и открытого регионализма АТР

Международное сотрудничество в экономической сфере на Азиатско-тихоокеанском уровне оформлено в виде созданного в 1989 г. Форума АТЭС, членом которого в 1998 г. стала Россия, что стало прорывом для российской внешней политики в регионе. АТЭС руководствуется принципом открытого регионализма, суть которого заключается в том, что развитие сотрудничества и снятие ограничений на движение товаров, денежных и людских потоков внутри АТР сочетается с соблюдением принципов

ВТО. При этом организация действует по принципу «согласованных односторонних мер», выполнение которых юридически не обязательно для участников. Пик в деятельности МПО пришёлся на 1994 г., когда были определены задачи формирования региональной системы свободной торговли (в соответствии с Богорской декларацией, создание ЗСТ для промышленно развитых стран намечено на 2010 г., а для развивающихся - на 2020 г.). Тем не менее, перспективы формирования на базе АТЭС интеграционной группировки представляются неопределёнными, что во многом связано с несовпадением приоритетов в деятельности МПО, которых придерживаются развитые англо-саксонские и развивающиеся азиатские государства.

На саммите в Куала-Лумпур в 1998 г. прозвучали идеи придать экономической интеграции в рамках АТЭС более обязывающий характер, однако, по мере преодоления финансового кризиса, они не получили развития. Существенный вклад в это внесла Япония, воспрепятствовавшая включению продукции рыбной и лесной отраслей в список, подпадающий под действие программы «ранней добровольной секторной либерализации». Её тематика была передана на рассмотрение ВТО, на работу в которой перенесли свои основные усилия США. По мнению ряда экспертов, эти события зафиксировали кризис идентичности АТЭС.¹¹

С другой стороны, широкий подход к членству обеспечил организации уникальную роль в АТР: только саммиты АТЭС собирают вместе лидеров ведущих мировых и региональных держав (США, Япония, Китай, Россия), а также стран ЮВА, Тайваня, став для них возможностью для проведения двусторонних встреч. Как следствие, повестка дня саммитов стала расширяться за счет включения в нее вопросов безопасности. Так, в 1999 г. в Новой Зеландии было оперативно согласовано решение об отправке войск ООН в Восточный Тимор,¹² а в 2001 г. в КНР была принята резолюция, осуждающая терроризм.

Невнимание администрации Буша к многостороннему сотрудничеству в АТР сделало политику США в Восточной Азии менее эффективной, и некоторые американские эксперты призывали её усилить внимание к деятельности АТЭС, как средству для противодействия восточно-азиатскому регионализму.¹³ Однако Вашингтон предпочёл другие механизмы для устранения последствий финансового кризиса и реализации внешнеполитических целей в регионе. Несмотря на значимость вышеописанных негативных тенденций, роль АТЭС для Вашингтона как инструмента поддержания диалога со странами АТР в перспективе может возрасти, так как в новых интеграционных структурах Восточной Азии США пока не находится места.

Главная проблема для Москвы при работе в АТЭС – низкий уровень российской вовлечённости (объема ВЭС, финансовых, информационных потоков, демографического вклада) в экономическую жизнь региона. Так, доля ВЭС РФ находится в районе одного процента внешнеторгового оборота АТР, а её инвестиции в эти страны незначительны. В результате у последних нет большого интереса для обсуждения с представителями России в рабочих органах АТЭС конкретных положений, регулирующих торговые и других направления сотрудничества.¹⁴ Высшее руководство страны считает участие в работе этой МПО приоритетной задачей, о чём свидетельствует регулярное участие президента РФ в саммитах, утверждение им Концепции участия РФ в АТЭС и создание Комиссии правительства по вопросам участия России в этой организации, а также активизация проведения мероприятий АТЭС на своей территории. Усилия президента страны позволила довести до стран региона российские приоритеты в АТР, прежде всего это увеличение вклада РФ и придание за счёт этого нового качества региональному сотрудничеству в области энергетики, транспорта, наукоёмких технологий и т.д.¹⁵

В то же время серьезным недостатком являлось пассивное участие России в рабочих группах АТЭС. Активное использование этих механизмов - приоритетная задача для Дальнего Востока РФ, так как позволяет координировать экономическую деятельность со странами АТР в области торговли, рыболовства, транспортной инфраструктуры, энергетики и др. В последние годы местом проведения большинства российских мероприятий по программе АТЭС стал Владивосток, где в 2002 г. прошли седьмой инвестиционный симпозиум и третья ярмарка инвестиций, а в 2005 г. - ежегодное заседание Транспортной группы АТЭС. Ещё одним подтверждением внимания к АТЭС стало решение руководства России провести в 2012 г. его саммит во Владивостоке.

Становление многосторонних подходов к безопасности в духе открытого регионализма стало отличительной чертой АТР в 1990-е годы, и нашло своё выражение в создании в 1994 г. Регионального Форума АСЕАН. Идею создания новых механизмов безопасности высказывали представители России,¹⁶ Австралии,¹⁷ Канады, и других государств, однако реализовать её смогли страны АСЕАН, предложившие новый формат многостороннего регионализма, основанный на взаимодействии с внешними акторами, получившими статус партнёров по диалогу.

За свою 14-летнюю историю АРФ остался консультативным Форумом, не став организацией, «решающей проблемы», и оценки его эффективности разнятся в зависимости от ожиданий участников. Так, к позитивным результатам можно отнести тот факт, что со времени создания организации в Восточной Азии не произошло ни одного

серьёзного военного конфликта. С другой стороны, выработка мер превентивной дипломатии застопорилась, а такие важнейшие вопросы, как Тайваньская проблема или безопасность Корейского полуострова на нём не обсуждаются. После 11 сентября 2001г. администрация Буша попыталась сделать проблематику борьбы с международным терроризмом главным фокусом в деятельности АТЭС и АРФ. Так, по мнению бывшего Госсекретаря США Пауэлла, компания против терроризма как объединяющая тема для всех членов АРФ может «стать фокусом деятельности этой МПО, которого у неё раньше просто не было».¹⁸

Пекин в подходах к разрешению конфликтов, как и США, прибегает к двусторонним отношениям, а не к помощи АРФ. В то же время, как Китай, так и Россия, имеющая в АРФ статус партнёра по диалогу, активно участвуют в выработке мер доверия и превентивной дипломатии.¹⁹

По мнению Винода Аггарвала, чтобы выяснить, заинтересовано ли государство в создании нового института, надо понять, как оно оценивает деятельность действующей организации²⁰. Вот почему признание низкой неэффективности АТЭС и АСЕАН (первая оказалась слишком велика, а вторая, наоборот, мала) стало одной из причин образования АПТ, размер и состав которой, по замыслу создателей, является оптимальным.

3. АСЕМ и АПТ как модели проявления скептического подхода в теории глобализации и закрытого регионализма Восточной Азии

У истоков идеи закрытых форм межправительственного регионализма Восточной Азии стоял бывший премьер-министр Малайзии Махатир Мохамед. С официальным предложением создания Экономического Совета Восточной Азии (ЭСВА) он впервые выступил в 1991 г. на встрече министров экономики стран АСЕАН в Куала-Лумпур. Однако США, оказав сильный политический нажим на Японию, заблокировали предложение Махатира.

Тем не менее, идея интеграции Восточной Азии проявилась вновь уже в 1996 г., когда был налажен диалог между Европой и Азией, получивший название встреч «Азия-Европа» – АСЕМ. В 1994 г. бывший в то время премьер-министром Сингапура Го Хок Тон предложил встречи «Азия-Европа» на уровне руководителей государств. На первом саммите АСЕМ в Таиланде в 1996 г. Азию представили шесть стран-членов АСЕАН, Вьетнам (его приём в АСЕАН планировался на июль 2005 г.), Китай, Япония и РК. В

результате состав участников от Азии в АСЕМ оказался исключительно восточно-азиатским и практически совпал с заблокированным ранее ЭСВА.

Формат АСЕМ предполагает неформальный процесс и встречи на уровне саммитов - раз в два года поочередно в столицах азиатских и европейских государств. На саммитах Восточная Азия предстала как территория, одновременно входящая в АСЕМ и АТЭС, но не всегда способная чётко выразить общие интересы. Для исправления ситуация «группа мудрецов» в докладе от 1999 г. рекомендовала азиатским членам организации усилить диалог между собой.²¹ В 2004 г. АСЕМ расширила состав организации за счёт включения 10 новых членов ЕС и трёх оставшихся стран АСЕАН (Лаос, Камбоджа и Мьянма).

Что касается РФ, то она также демонстрировала желание вступить в эту организацию,²² однако столкнулась в этом вопросе с извечной проблемой российской идентичности. Москва планировала вступить в эту трансрегиональную МПО в качестве азиатского государства, для чего было необходимо получить поддержку стран АСЕАН, однако последние отказали России в приёме, так как не смогли придти к консенсусу о том, кого же она будет представлять в АСЕМ: Азию или Европу.²³

Оценки экспертов по поводу достижений АСЕМ разнятся. Критики утверждают, что этот трансрегиональный проект имеет лишь символическое значение, а широкий спектр диалога и осуществление большого числа не связанных между собой мероприятий ведут лишь к «усталости от форумов» (“forum fatigue”).²⁴ Оптимистичные оценки основаны на том, что неформальная структура отражает региональные политические реалии, при этом создание АСЕМ консолидировало идею Восточной Азии как целостного актора, таким образом способствовал созданию АПТ.

Основным же катализатором возрождения идеи интеграции Восточной Азии и весомым предлогом для начала её реализации стал финансовый кризис 1997 г. Среди его наиболее важных последствий можно выделить:

- проявление неспособности ведущих региональных организаций АТР (АТЭС и АСЕАН) предотвратить начало и смягчить последствия кризиса;
- негативная оценка деятельности МВФ и США, предоставивших помощь государствам ЮВА с опозданием и в ограниченных объемах;
- рост авторитета Японии, предоставившей подвергшимся воздействию кризиса странам значительную финансовую помощь, и Китая, который воздержался от девальвации юаня,

что могло бы еще больше ухудшить финансовое положение стран АСЕАН;

- выдвижение странами региона инициатив по укреплению сотрудничества в Восточной Азии, часть из которых уже вступили в фазу реализации.

Непосредственным предлогом для формирования АПТ стало предложение премьер-министра Японии Хасимото проводить саммиты АСЕАН-Япония на обочине саммитов АСЕАН. Лидеры стран АСЕАН согласились с Токио, однако пригласили на саммит АСЕАН 1997 г. в Куала-Лумпур не только Японию, но и КНР, и РК. Таким образом, предложение Хасимото косвенно способствовало организации первого саммита АПТ в Куала-Лумпур 15 декабря 1997 г.²⁵

Острая необходимость объединения усилий для преодоления финансового кризиса обеспечила быструю регуляризацию саммитов АПТ, которые было решено проводить ежегодно совместно с саммитами АСЕАН. В 2000 г. был достигнут прогресс в финансовом сотрудничестве Восточной Азии, когда в ходе встречи министров финансов стран АПТ в Таиланде для дополнения действующих международных институтов было достигнуто региональное финансовое соглашение о мерах по совместному противодействию финансовым кризисам - так называемая Чиангмайская Инициатива.

На саммите АПТ в 2001 г. независимые эксперты (так называемая «группа мудрецов») представили рекомендации, основным лейтмотивом которых стало постепенное формирование восточноазиатского сообщества мира, процветания и прогресса населяющих его народов.²⁶ Основными рекомендациями, с точки зрения перспектив развития восточно-азиатского регионализма, являлись следующие:

- формирование зоны свободной торговли Восточной Азии ранее сроков, установленных Богорским соглашением АТЭС;
- создание регионального механизма оказания финансовой помощи;
- выработка оптимального механизма координации валютных курсов, обеспечивающего финансовую стабильность и экономическое развитие региона;
- эволюция ежегодных саммитов АПТ в саммит Восточной Азии.

Начиная с 2000-2001 гг., инициатива в продвижении восточноазиатского регионализма перешла к Пекину.²⁷ Знаковым шагом на экономическом направлении стало сделанное в 2000 г. предложение премьер-министра Китая Чжу Жунцзи создать ЗСТ между КНР и странами АСЕАН. С 2003 г. Китай развивает ещё более чувствительное

направление регионализма – в области безопасности, первым из партнёров по диалогу стран АСЕАН подписав базовый для этой МПО Договор о дружбе и сотрудничестве. Стараясь не отставать от Пекина, на саммите АПТ в 2003 г. Япония заключила с АСЕАН «рамочное соглашение о комплексном экономическом партнёрстве» и начала переговоры о заключении ЗСТ с РК. По мере наполнения конкретным содержанием договорённостей о создании выше упомянутых ЗСТ, на повестку дня встанет вопрос переговоров по ключевой для региона ЗСТ между Японией и Китаем, что откроет путь к заключению общерегиональной ЗСТ. Однако подобное развитие событий станет возможным, только если Пекин и Токио смогут постепенно разрешить серьёзные двусторонние проблемы, в том числе исторического характера. В этом плане невозможно переоценить роль АПТ как площадки для улучшения сотрудничества между странами «северной тройки» (Китай, Япония, РК).

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать несколько выводов о причинах появления АПТ и оценить перспективы развития этой МПО.

Во-первых, появление АПТ стало отражением геополитических тенденций развития региона. Странам АСЕАН было важно через экономическое сотрудничество «втянуть» усиливающийся Китай в диалог в области безопасности, одновременно поддерживая высокий уровень финансово-экономического сотрудничества с Японией. Пекин и Токио, столкнувшись с серьёзными проблемами двусторонних отношений, препятствующими регионализации СВА, в свою очередь, рассматривали страны ЮВА как ресурс укрепления влияния в Восточной Азии.

Во-вторых, появление АПТ стало результатом проявления воли и настойчивости рядом политических лидеров ЮВА, в первую очередь, премьер-министрами Малайзии и Сингапура Махатиром Мохамадом и Го Хок Тоном соответственно. По мере развития института и наполнения сотрудничества реальным содержанием, лидерство в АПТ постепенно переходит к странам «северной тройки».

В-третьих, уже в первые три года АПТ превратилась в достаточно развитый институт, эффективность которого будет во многом определяться готовностью участников реализовать так называемые основные предложения «группы мудрецов».

4. Саммит Восточной Азии как модель трансформаторского подхода в теории глобализации

Роль АПТ как ведущего института развития регионализма Восточной Азии оспаривается, в первую очередь, Японией. На саммите АПТ в 2004 г. во Вьентьяне премьер-министр Малайзии Абдалла Бадави предложил провести в 2005 г. в Куала-Лумпур первый саммит Восточной Азии, что получило одобрение премьер-министра Китая Вэнь Цзябао. Предполагалось, что новый саммит заменит встречи в формате АПТ и проложит путь для широкой азиатской интеграции. Другие участники также согласились с предложением Бадави, однако возникла дискуссия по составу новой организации. На её противоположных полюсах оказались Пекин и Токио, предлагавшие сделать её максимально закрытой и открытой соответственно.

Опасения усиления Китая определило модель действий ряда государств, добившихся в ходе инаугурационного саммита Восточной Азии в Куала-Лумпур в декабре 2005 г. включения в его состав, помимо 13 государств АПТ, ещё Индии, Австралии и Новой Зеландии. По итогам саммита Махатир заявил, что принятое решение по членству не отражает его видения региона, и что Россия и Северная Корея имеют больше права на участие в этом саммите, чем Австралия и Новая Зеландия.

Это решение также служит цели сохранения за странами АСЕАН роли ядра будущего сообщества, так как они расширили состав организации, не допустив доминирования Пекина. Смирившись с принятием трёх новых членов, накануне саммита МИД КНР выступил с предложением о том, что АПТ, а не вновь образуемый саммит, будет играть главную роль в формировании сообщества Восточной Азии, что и было зафиксировано в Декларации саммита АПТ 2005 г.²⁸

В ходе подготовки к саммиту Восточной Азии в Куала-Лумпур в качестве кандидата на вступление рассматривалась и Россия. Накануне инаугурационного саммита в Куала-Лумпур, 13 декабря 2005 г. был организован первый саммит в формате Россия-АСЕАН, что свидетельствовало о новом качестве взаимоотношений. 14 декабря президент Путин выступил перед участниками саммита Восточной Азии в качестве гостя и декларировал желание России вступить в состав новой организации, однако мнения участников разделились. «За» высказывались Китай, Малайзия, Филиппины и РК. В то же время Сингапур и Индонезия выпустили совместное заявление против намерения Малайзии поддержать российское членство.

По мнению Сингапура, Россия не соответствует одному из утверждённых критериев членства в саммите («наличие развитых отношений с АСЕАН»), так как её экономические отношения со странами МПО находятся на минимальном уровне. В то же

время, если оценить объёмы товарооборота России и Новой Зеландии со странами АСЕАН, то в 2004 г. (на момент рассмотрения вопроса о их членстве) они были вполне сравнимы (3,1 и 3,5 млрд. долларов США соответственно), то есть нежелание ряда стран принять РФ в состав саммита было вызвано не только экономическими причинами. Не менее традиционно, чем Сингапур,²⁹ против членства России в организациях азиатского регионализма выступила и Австралия. В результате Бадави отказался от выдвижения кандидатуры России, и решение по вопросу было отложено на неопределённый срок. За отказом Москве в приёме скрывается раскол между участниками по поводу будущего направления развития восточно-азиатского регионализма. В условиях роста влияния Китая в регионе, ряд стран (Сингапур, Австралия, Япония, Индонезия) опасаются, что включение в новую организацию России усугубит эту тенденцию, в то время, как они хотели бы получить от Вашингтона подтверждение его неослабного интереса к Восточной Азии.

Создание саммита Восточной Азии, как конкурирующей модели регионализма, несколько замедлило развитие АПТ в последующие два года. Тем не менее, с 2007 г. Япония, Китай и РК ведут переговоры о создании фонда, инкорпорирующего восточно-азиатские финансовые резервы для поддержки курса валют стран региона. Он призван частично заменить созданную в рамках Чиангмайской инициативы систему взаимной финансовой поддержки.³⁰ Объем фонда составит 80 миллиардов долларов, при этом взносы в фонд от Китая, Японии и Южной Кореи³¹ составят в новом фонде около 80 процентов, тогда как 10 других стран АСЕАН заполнят остальные 20 процентов. Планируемые размеры взносов свидетельствуют, что в новой финансовой архитектуре Восточной Азии страны «северной тройки» будут играть главную роль. Наиболее последовательный интерес к сотрудничеству в рамках АПТ в последние два года проявляет Китай, однако, при этом преимущественное развитие пока получает развитие связей в формате АСЕАН Плюс Один. Так, Китай и АСЕАН планируют уже в 2008 г. завершить переговоры по последнему важному компоненту ЗСТ подписанием соглашения по торговле услугами, которое охватывает 60 направлений этой деятельности, включая энергетический и транспортный сектора.

Что касается Саммитов Восточной Азии 2006 года на Филиппинах и 2007 г. в Сингапуре, то никаких существенных инициатив на их заседаниях принято не было.

Выводы и рекомендации для российского участия в регионализме Восточной Азии.

Выводы

1. В работе подтверждена научная гипотеза о том, что время возникновения и особенности моделей азиатских МПО являются реакцией на процессы глобализации и призваны либо способствовать ей (формирования АТЭС и АРФ по принципу открытого регионализма в рамках концепции глобализма), либо противодействовать её негативным последствиям (формирование АСЕМ и АПТ по принципу закрытого регионализма в рамках скептической волны теории глобализации). Особый интерес представляет модель формирования саммита Восточной Азии в рамках трансформаторского подхода третьей волны теории глобализации. Компромиссный характер подхода, занимающего промежуточное положение между первой и второй волнами теории глобализации, отразился на особенностях модели саммита, который географически меньше АТЭС, но больше АПТ, и не имеет ясной идентичности. Включение же в его состав дополнительно трёх государств с устойчивыми демократическими традициями можно рассматривать, как попытку повлиять на характер восточно-азиатского регионализма в духе трансформализма Хелда. В целом, модели азиатских институтов многостороннего сотрудничества совпадают с теоретическими постулатами волн теории глобализации, что подтверждает тезис о жёсткой связанности современного мира и, напротив, опровергает положение об абсолютной уникальности АТР.

2. В подтверждение концепции нового регионализма следует отметить, что для большинства азиатско-тихоокеанских и восточно-азиатских институтов характерны отличающиеся от западных и уходящие корнями в «путь АСЕАН» общие особенности (неформальный характер диалога, консенсус в принятии решений), которые отражают фокус этих институтов на процессе, а не на результате.³² Оценки эффективности азиатских институтов поляризованы: западные эксперты считают их неэффективными, а азиатские государства устраивает их неформальный характер. При этом, столкнувшись с трудно разрешимыми проблемами социализации новых членов, например, Мьянмы, участники АСЕАН предприняли меры по повышению институализации своей базовой МПО, в то время как в более разнообразных по составу организациях (АТЭС, АРФ, АПТ), страны ЮВА, опасаясь доминирования великих держав, блокируют возможности формализации сотрудничества.

Страны АСЕАН за короткий период дважды преодолели разрыв по так называемой линии «Север» - «Юг», подтвердив ещё один постулат нового регионализма, о том, что в условиях глобализации государства будут объединяться в региональные союзы, в том

числе с учётом интересов менее влиятельных и более бедных стран региона. Так, с 1995 по 1999 гг. был организован ускоренный прием в состав АСЕАН новых членов из бывшего коммунистического лагеря (Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа), и, в отличие от опыта ЕС, без выполнения каких-то предварительных условий. В 1997 г. создав АПТ, страны АСЕАН уже сами в полном составе объединились с более развитыми Японией, РК и Китаем, что также работает на сокращения экономического разрыва между членами АСЕАН и государствами «северной тройки».

Наконец, изучение азиатских институтов позволило сделать сравнительную оценку уровней региональной идентичности Европы (ЕС), Восточной Азии (АПТ) и СВА (в усечённом составе стран «северной тройки»), которые, то по мере снижения величины этого параметра, разместились именно в такой последовательности. Так, саммиты АСЕМ показали, что у азиатских участников чувство региональной солидарности гораздо ниже, чем у их европейских коллег. В свою очередь, саммиты АПТ показали, что «слабым звеном» в этой организации, с точки зрения формирования региональной общности, являются страны «северной тройки».

3. Страны Восточной Азии всё больше осознают, что США пользуются привилегией использования многосторонних подходов «по заказу» (“a la carte”), то есть только тогда, когда это напрямую отвечает их интересам.³³ Так, США, не уделяя особого внимания АТЭС и АРФ, активно участвуют в шестисторонних переговорах по проблемам безопасности Корейского полуострова, а также прорабатывают возможности трансформации «расширенных» двусторонних отношений с Японией и Австралией в трехстороннюю региональную систему безопасности.³⁴

Китай постепенно вышел на лидерские позиции в развитии восточно-азиатского регионализма, делая упор на более закрытой модели АПТ. Этому курсу противодействует Япония, лавирующая между двумя моделями регионализма. В структуре АПТ она пытается решить головоломную задачу, стараясь одновременно, как не отстать от инициатив Пекина по сотрудничеству с АСЕАН, так и сдержать его лидерские амбиции; в то же время Токио стремится «удержать на плаву» более открытую модель саммита Восточной Азии, в том числе ради обеспечения интересов США в регионе.

Странам ЮВА пока удаётся удерживать, по крайней мере, видимость лидерства в региональных организациях, сформированных на базе АСЕАН. Предпринятые ими успешные попытки сдержать чрезмерное, с их точки зрения, усиление Японии и Китая в 1997 г. и 2005 г. соответственно подтверждает верность концепции А. Богатурова о

становлении в Восточной Азии преимущественно пространственной структуры отношений, высокая плотность которого позволяет средним и малым странам АСЕАН сдерживать региональных лидеров.³⁵

4. Спад в деятельности АТЭС и не очень эффективная работа АРФ ведут к постепенной деконструкции «тихоокеанского» региона, а азиатский финансовый кризис дал сильный импульс становлению закрытого восточно-азиатского регионализма. Однако влияние этого фактора имело ограниченный по времени характер, и, таким образом, развитие восточно-азиатского регионализма будет продолжаться в ходе соперничества конкурирующих моделей. Тем не менее, первые саммиты Восточной Азии показали, что цели этой МПО и характер её взаимоотношений с другими организациями ещё до конца не определены, и, хотя внешние границы Восточной Азии могут изменяться и оставаться не вполне ясными, страны АПТ составят ядро этого региона.

Рекомендации российского участия

В интересах обеспечения российских интересов в целом и подъёма дальневосточных территорий в частности, РФ следует конструктивно взаимодействовать с партнёрами на всех уровнях регионализма АТР, в том числе продолжать системную работу в структурах АРФ и АТЭС. Что касается саммита АТЭС во Владивостоке, то его подготовка и проведение должны создать предпосылки для активного вовлечения Сибири и Дальнего Востока России в интеграционное пространство Северо-восточной Азии.

Необходимость для России активно добиваться членства в саммите Восточной Азии, как и шансы на вступление, не вполне очевидны. С одной стороны, участие в МПО, сформированных на базе АСЕАН, предоставляет Москве отличные возможности для усиления влияния в регионе. С другой - позитивных подвижек в развитии российских экономических связей со странами АСЕАН может оказаться недостаточно. В условиях поляризации стран по вопросу их отношения к роли США в регионе, приём РФ может быть отложен и осуществлён одновременно с предоставлением статуса наблюдателя в этой организации США, как, например, предлагает Япония. Однако в этом случае саммит Восточной Азии по составу будет почти не отличаться от АТЭС и, таким образом, утратит и так не вполне ясную региональную идентичность.

В сложившейся ситуации России необходимо, несмотря на известные трудности, наращивать экономическое и политическое сотрудничество в более близком регионе СВА. В 1997 г. при образовании АПТ регион СВА был разрезан на две части, по одну

сторону которой оказались быстро развивающиеся Япония, РК и прибрежные районы Китая, а по другую – более экономически отсталые Дальний Восток России, КНДР и Монголия, не вошедшие в ядро формирующейся Восточной Азии. Образование саммита в 2005 г. закрепило эту негативную для РФ тенденцию, когда уже периферия Восточной Азии стала наращиваться не за счёт оставшихся стран СВА, а путём включения англосаксонских государств (Австралия и Новая Зеландия), которые ни географически, ни цивилизационно не являются частью региона.

В российском случае, определённо, присутствует политическая составляющая, тем не менее, по сути это не конфликт цивилизаций по Хангтунгону, а более прозаический конфликт модернизаций, когда РФ осталась за бортом вместе с вполне азиатскими государствами (КНДР и Монголией). То есть приоритетом для Москвы в АТР должен стать поиск возможностей развития экономического и политического сотрудничества со странами СВА. Если же говорить о многосторонних институтах, то для реализации этой цели вполне подходят Шестисторонние переговоры по проблемам безопасности Корейского полуострова и Инициатива Большого Тумангана.³⁶

¹ Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations*. Cambridge: Polity Press, 1999; Hay C., Marsh D. *Demystifying Globalization*. Basingstoke: Palgrave, 2000; Holton R. *Making Globalization*. Basingstoke: Palgrave, 2005.

² Martell L. *The Third Wave in Globalization Theory*. *International Studies Review* 9(2), 2007. PP. 173-196.

³ Hurrell A. *Explaining the Resurgence of Regionalism in World Politics*. *Review of International Studies*, 1995, vol. 21, no.4, p.332.

⁴ Kahler M. *Conclusion: The Causes and Consequences of Legalization*. *International Organization* 54 (3), 2000. PP. 661-684.

⁵ Gamble A., Payne A. (eds.), *Regionalism and World Order*. Basingstoke: Macmillan, 1996.

⁶ Acharya A. *Culture, Security, Multilateralism: The “ASEAN Way” and Regional Order*. In eds. by K. Krause *Culture and Security: Multilateralism, Arms Control, and Security Building*. London: Frank Cass, 1999. PP. 55-84.

⁷ «Концепция внешней политики Российской Федерации». *Независимая газета*, 11 июля 2000 г.

⁸ Слюсаренко К. «Политик не имеет права на ошибки». *Независимая газета*, 14 марта 2002 г.

⁹ Buszynski L. *Russia and Southeast Asia*. In eds. by Hiroshi Kimura *Russia's Shift toward Asia*. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. PP. 195-197.

¹⁰ ASEAN Statistical Year Book 2005. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2005. PP. 70-73.

¹¹ Lincoln E. East Asian Economic Regionalism. Washington, DC: The Brookings Institution, 2004. P. 130.

¹² В СБ ООН это решение было поддержано КНР, что носит знаковый характер, свидетельствуя о готовности Пекина рассматривать варианты многосторонних режимов региональной безопасности. – см. Yongding Y. On Economic Cooperation between Asian Economies // Proceedings of the 11th Hokkaido Conference for North Pacific Issues. - Sapporo, 1999. P. 73.

¹³ Lincoln E. East Asian Economic Regionalism. Washington: The Brookings Institution, 2004.

¹⁴ Якубовский В. Камо грядеши, АТЭС? Под ред. В. Соколова Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Владивосток: ДВГУ, 2004. С. 78.

¹⁵ Севастьянов С.В. Время соответствовать новым вызовам // «Дальневосточный ученый». - Владивосток, 2001, №23.

¹⁶ В 1986 г. президент СССР М. Горбачёв выдвинул идею Тихоокеанской конференции по безопасности, что вызвало появление схожих региональных инициатив, предложенных правительствами Австралии, Канады и др.

¹⁷ На Постминистерской конференции АСЕАН в июле 1990 г. бывший в то время Министром иностранных дел Австралии Гарет Эванс предложил создать Конференцию по безопасности и сотрудничеству в Азии по образцу действующей с 1975 г. Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе. Однако это предложение было отклонено странами АСЕАН, как способное ослабить азиатскую идентичность региона.

¹⁸ Powell C. Roundtable with ASEAN journalists. Washington DC, 25 July 2002. Available on-line at: <http://www.state.gov/secretary/rm/2002/12207.html>.

¹⁹ Ignatov A. Russia in the Asia-Pacific. In eds. by R. Azizian, B. Reznik Russia, America, and Security in the Asia-Pacific. Honolulu: APCSS, 2006. P. 15.

²⁰ Aggarwal V. Reconciling Multiple Institutions: Bargaining, Linkages, and Nesting // Institutional Designs for a Complex World: Bargaining, Linkages and Nesting, ed. by Aggarwal. - Ithaca: Cornell University Press, 1998. P. 18-21.

²¹ For a Better Tomorrow: Asia-Europe Partnership in the Twenty-first Century. Asia-Europe Vision Group Report, 1999. P. 39.

²² См., например, речь министра Иностранных дел РФ Игоря Иванова на заседании постминистерской конференции министров иностранных дел в формате Россия – АСЕАН в Пномпене, 19 июня 2003 г. МИД РФ, № 1441-19-06-2003, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcbb3/ Open Document.

²³ Sato Koichi The ASEAN Regime: Development and Challenges of the ASEAN Foreign Policies. Tokyo: Keiso Shobo, 2003. P. 194.

²⁴ Yeo Lay Hwee ASEM: Looking Back, Looking Forward. Contemporary Southeast Asia, 2000, vol. 22, no. 1. P. 120.

²⁵ Available on-line: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/asean/pmv9701/policy.html>.

²⁶ East Asian Vision Group Report, Towards an East Asian Community: Region of Peace, Prosperity and Progress. 31 October 2001. PP. 6-16.

²⁷ Tanaka Akihiko The development of the ASEAN+3 framework. In eds. by M. Curley, N. Thomas Advancing East Asian Regionalism. New York: Routledge, 2007. P. 67.

²⁸ Kuala-Lumpur Declaration on the ASEAN Plus Three Summit, Kuala-Lumpur, 12 December, 2005. Available at: <http://www.aseansec.org/1629.html>

²⁹ Сингапур выступал против принятия России в члены АТЭС, АСЕМ и Саммита Восточной Азии.

³⁰ Japan, S. Korea, China Mull \$80 Billion Reserve Pool. Bloomberg, 04 May, 2008.

³¹ Общая сумма валютных резервов Китая, Японии и Южной Кореи составляет 3,4 триллиона долларов. По этому показателю они занимают соответственно первое, второе и четвертое место в мире.

³² Solingen E. East Asian Regional Institutions: Characteristics, Sources, Distinctiveness. In eds. by T. J. Pempel Remapping East Asia. Ithaca: Cornell University Press, 2005. PP. 32-38.

³³ Такое определение американского подхода дал директор управления планирования политики Госдепартамента США Ричард Хаас. See in Pempel T.J. Challenges to bilateralism: changing foes, capital flows and complex forums. In eds. by E.S. Krauss, T.J. Pempel Beyond Bilateralism: US-Japan Relations in the New Asia-Pacific. Stanford: Stanford University Press, 2004. P. 27.

³⁴ 13 марта 2007 г. была подписана «Совместная декларация о сотрудничестве в области безопасности между Японией и Австралией. Ранее эти две страны поддерживали не прямые контакты через двусторонние союзы безопасности с США. В настоящее время три страны повысили уровень стратегического диалога до уровня министров обороны. См. The Strategic Balance in Northeast Asia 2007. Seoul: The Korea Research Institute for Strategy, 2007. PP. 98-99.

³⁵ Богатуров А. Глава 14. Среда – против лидеров. «Пространственная структура» самоорганизации международных отношений в Восточной Азии. Под ред. А. Богатурова, Н. Косолапова, М. Хрусталёва Очерки теории и политического анализа международных отношений. Москва: НОФМО, 2002. С. 273.

³⁶ В 2005 г. такое название после переименования получила бывшая Программа развития района реки Туманной («Туманган»).